СОЦІАЛЬНА ДЕРЖАВА І СОЦІАЛЬНА ПОЛІТИКА

УДК 32.001:17.001

Г. П. Гребенник, канд. ист. наук, доц.
Одесский национальный университет им. И. И. Мечникова,
Институт социальных наук, кафедра истории и мировой политики
ул. Дворянская, 2, 65026, Одесса, Украина
Тел. каф.: 68-51-60;
E-mail: grebennik_petr@ukr.net

ВЛАСТЬ И ОБЩЕСТВО В КОНТЕКСТЕ МАКИАВЕЛЛИСТСКОГО ДИСКУРСА

Статья написана с целью демонстрации одной из многочисленных разновидностей макиавеллизма, образующих сквозную дискурсивную линию, лишь обозначенную именем великого флорентийца, но начатую задолго до него. Под этим углом зрения впервые проанализирована концепция общества А. А. Зиновьева, крупнейшего представителя русско-советской социологической и политической мысли второй половины XX в.
Ключевые слова: макиавеллистский тип мышления, социальный индивид, мораль, политика, власть.

Ныне здравствующий наш современник Александр Александрович Зиновьев (род. в 1922 г.) считает себя социологом, но в социологическом цеху он должен чувствовать себя чужаком. По своей первой специальности логик, он в свое время решил заняться исследованием того, как устроено реальное советское общество, скрываемое под идеологическими маркерами марксова коммунизма. В результате им была создана собственная оригинальная теория общества. Под нее он изобрел жанр социологического романа и сегодня является автором более 40 книг, не считая статей и интервью, в которых развита и конкретизирована его концепция. Главным его произведением, несомненно, является роман "Зияющие высоты", впервые опубликованный в 1976 г. в Швейцарии, принесший автору мировую известность, а также сделавший его официальным диссидентом и эммигрантом.

Зиновьев продолжает расширять поле своего анализа: позавчера это был *реальный коммунизм* (советский строй), вчера — *западнизм* (общество развитого капитализма), сегодня — *глобальное сверхобщество*. Из книги в книгу он воспроизводит основные положения своей теории общества, дополняя ее новыми категориями.

Я считаю А. Зиновьева одним из трех крупнейших представителей русско-советской *политической* мысли второй половины XX в., наряду

© Г. П. Гребенник, 2004

с А. Солженицыным и А. Сахаровым. Своеобразная русская птица-тройка, где Солженицын в середине, Сахаров справа, а Зиновьев слева. Все трое — диссиденты, единоборцы с Властью, но какие разные! Впрочем, сравнительный анализ их взглядов не входит в задачу данной статьи. *Цель* ее иная: проанализировать зиновьевскую концепцию общества с точки зрения ее принадлежности к *макиавеллистскому дискурсу*. Я утверждаю и в этой статье постараюсь показать, что Зиновьев демонстрирует тот же самый *тип политического мышления*, что и Макиавелли, Гоббс, Ницше, Шпенглер, Маркс, Ленин и множество других мыслителей, составляющих линию макиавеллистского дискурса. Этот тип вполне узнаваем и верифицируем, во-первых, по своей теме — это власть и правила ее функционирования в политическом теле (государстве, партии, движении, любой социальной группе), и, во-вторых, по *своим критериальным подходам* к формулированию и решению политических задач. Это — установка на активное и целерациональное действие; опора на политическую науку, аккумулирующую политический опыт человечества; постановка проблемы перехода от должного (цели) к реальному через оптимальную политику (средства), т. е. "правило оптимальных затрат". Кажется, узнаваемая формула: цель оправдывает средства. Но средства, которые не оправдывают цель, *нецелесообразно* применять. Вот в чем дело! Подлинно мудрые политики умеют так обращаться с властью, так оптимизировать цели и средства, чтобы затраты были наименьшими. Присмотримся к специфике макиавеллиевского рационализма: он технологичен. Политика — это технология овладения и удержания власти. По результатам она корректируется. Разумность такого подхода налицо.

Ошибочно думать, что макиавеллизм порывает с моралью. На самом деле Макиавелли считал, что мораль частного человека не подходит государству. В политике есть своя особенная, *политическая мораль*, суть которой сводится к тому, что все, что полезно государству, укрепляет его, *морально* оправдано. А полезна государству рациональная, эффективная, оптимальная политика. Не могут разум и мораль противоречить друг другу. Это, если хотите, сократизм.

Учитывая рамки статьи, автор ограничился анализом самых существенных, на его взгляд, аспектов теории общества А. А. Зиновьева. Это — особенность зиновьевского социологического метода, его определения социальности и сути социальных законов; рассмотрение политики как особой сферы социальности и правил политического доминирования; взгляд на природу морали и ее функциональное назначение, взгляд на соотношение политики и морали через призму проблемы сталинизма.

В такой постановке работы А. А. Зиновьева рассматриваются, насколько известно, впервые. Можно лишь упомянуть статью ведущего российского ученого-этика А. А. Гусейнова, предпосланную к одной из последних книг А. А. Зиновьева "На пути к сверхобществу" (М., 2000). Статья озаглавлена "Об Александре Зиновьеве и его социологии". В этой статье А. Гусейнов мимоходом высказал мысль,

что предшественниками Зиновьева в смысле идейной преемственности во взглядах на общество являются Макиавелли, Гоббс и Мандевиль [5]. Этот взгляд полностью коррелируется с моим положением о макиавеллистском типе политического мышления, реализующемся в дискурсе, длящемся веками и не имеющем конца. Дискурс самого Зиновьева вливается ручейком в этот дискурсивный поток. Специфика зиновьевского дискурса является предметом анализа в предлагаемой статье.

1. Чистая социальность и социальные (коммунальные) законы

Еще только приступая к созданию своей теории, Зиновьев сознательно формулировал свой научный метод: пройти между Сцилой идеологии и Харибдой морали. Первым признаком ученого он справедливо считает научную объективность, беспристрастность. Вот одно из многих его высказываний на эту тему: "Позиция исследователя, руководствующегося принципами научного подхода к социальным явлениям, подобна позиции исследователя, наблюдающего муравейник. Заметив, например, разделение муравьев на различные категории, исследователь не становится защитником интересов одних из них, не разражается гневом по поводу какой-то несправедливости, не предлагает никаких проектов более разумного и справедливого переустройства муравейника" [5].

Социологический метод, как и любой строго научный метод требует эмоциональной отвлеченности, исключает оценочные суждения. Но в языке, в словах, употребляемых в описании социальных феноменов, эти оценки могут присутствовать в неявном виде. Поэтому Зиновьеву приходится их нейтрализовывать специальными разъяснениями сугубо рационального смысла словоупотребления. Например, в статье "Куда мы идем" (Мюнхен, 1990) он писал: "Говоря о нормальном (здоровом) состоянии общественного организма, я не вкладываю в слово "нормальное" ("здоровое") никакого оценочного смысла. Это такое состояние, которое обусловлено специфическими закономерностями или нормами данного общества, причем независимо от того, нравятся кому-то эти закономерности (нормы) или нет. Например, наличие безработных и нищих есть нормальное явление здорового капитализма, хотя множество людей негодует по этому поводу" [4, с. 7].

Что, собственно говоря, ставят в несомненную заслугу Н. Макиавелли? Он стал основателем *науки* политики с ее специфическими законами благодаря тому, что рассмотрел ее автономно от религии, морали и права. Он теоретически выделил чистую политику, как физики моделируют идеальный газ, а математики — идеальный объект в состоянии невесомости. К. Маркс создал научную теорию капитализма как чисто экономического процесса, а уже потом вывел из этой теории моральные и политические выводы. Что сделал А. Зиновьев? То же самое. Он выделил *чистую социальность*, которая также, как чистая политика и чистая экономика, является научной абстракцией,

то есть такой моделью политического поведения, которая позволяет уяснить суть дела. Он по-марксовски и даже более категорично заявляет: "Человек — совокупность общественных отношений. Все остальное — вздор" [1, с. 85]. Он задается вопросом, какой вид приняло бы общество, если бы люди поступали исключительно по социальным правилам без их ограничения моралью, правом, религией, гласностью, оппозицией и другими цивилизационными механизмами.

В самом деле, как ведет себя в естественной среде аристотелевское "социальное животное"? На практике оно оказалось узнаваемо классическими очертаниями гоббсовского человека. Им движут два основных мотива: стремление к удовольствию, наслаждению, счастью и страх боли, страдания, неестественной смерти. Исходя из этих мотивов, социальный индивид действует по определенным законам и правилам, которые очень просты и легко усваиваются людьми. Суть этих правил описывается двумя следующими принципами: 1) добровольно и сознательно не делать ничего того, что противоречит твоим интересам; 2) если можно безнаказанно использовать свое социальное положение, то надо обязательно это сделать. Примеры таких правил хранит народная мудрость: рыба ищет, где глубже, а человек — где лучше; ругаться с начальством, все равно что плевать против ветра; работа не волк, в лес не убежит; ласковый теленок двух маток сосет и т. д. Действие социальных законов хорошо наблюдать в армейской среде. Там: ты — начальник, я — дурак; я — начальник, ты — дурак. Солдат спит, служба идет. Хороший солдат неукоснительно выполняет правило держаться поближе к кухне и подальше от начальства.

То, что в интеллигентской, то есть в антисоциальной, среде принято считать безнравственным поступком или негативным качеством, в условиях засилья социальности таковым не является. Вот, например, доносительство. Конечно, морально предосудительное занятие. Но в советской системе оно обрело свою функцию, то есть стало полезным для ее функционирования. Официальная информация либо бессодержательна, либо сплошное вранье и очковтирательство. А начальству надо знать правду о реальном положении дел. И вот здесь функцию обратной связи выполнял донос.

Зиновьев настаивает на том, что дело здесь не в ущербной морали людей — она вообще не причем, а в том, что "они суть лишь люди, и ничего более". Они поступают так, как поступают, в силу социальных законов, и угрызения совести их, как правило, не мучают. А если и мучают, то это их личное дело. Цели и мотивы не входят в понятие социального действия, это — сфера психологическая. С точки зрения социологической, они суть лишь маскировка социальных законов для себя и других. "Как думает индивид, вообще роли не играет. Важно как он поступает. А поступает он по социальным правилам", — подчеркивает Зиновьев [1, с. 58].

Социальные законы существуют не благодаря государству, праву, морали, религии, идеологии и прочим общественным институтам,

а вопреки им. Наоборот, упомянутые институты сами живут в соответствии с социальными законами. Основу для них образует стремление людей к самосохранению и улучшению условий своего существования в ситуации социального бытия.

Как реагирует на человека общество? Оно видит в нем не личность, а то, чем человек является официально, оно реагирует на его социальные индикаторы, как-то: гражданство, профессия, должность, социальный статус, семейное положение, материальная обеспеченность, круг общения, репутация на работе, публичные выступления, государственные награды, поездки за границу и т. п. Попадая в другую социальную среду, человек не меняется, но по-другому самовыражается. Это к вопросу о том, что происходит с нашими людьми, которые в отечестве прозябали, а за границей вдруг пошли в гору. Как правило, с ними ничего существенного не происходит. Просто в новой жизни их качества имеют спрос, а в старой жизни социальность в них не нуждалась.

2. Законы и правила социального властвования

"С нашими друзьями происходит что-то странное, говорит Мазила. Ничего особенного, говорит Клеветник, они идут к власти".

Из романа "Зияющие высоты" [1, с. 69]

Обычно определение политики сводится к подчеркиванию ее специфики как особой сферы социальной организации, образующей систему управления обществом посредством властной вертикали. А. Зиновьев предлагает нам противоположный взгляд, а именно: политические отношения есть проявление законов социальности, и только. Иерархия, субординация, отношения власти и подчинения естественным образом порождаются в процессе взаимодействия индивидов друг с другом уже на коммунальном уровне. Таков генезис власти. Фактически здесь Зиновьев солидарен с макиавеллистом Ф. Ницше: воля к власти есть воля к жизни, социальное выражение инстинкта самосохранения. Хотят того люди или нет, они вынуждены бороться за более высокую социальную позицию, чтобы иметь больше возможностей для самореализации. К борьбе за место под солнцем подвигают людей социальные законы. Они же диктуют стиль поведения. Если хочешь оказаться наверху властной пирамиды — карабкайся, но при этом соблюдай правила этой жестокой игры, главное из которых гласит, что победителя не судят.

С социальной точки зрения, человек власти — это руководитель. "Социальный тип общества в значительной мере (если не в основном) характеризуется типом руководителя", — отмечает Зиновьев [1, с. 123]. Советское общество часто и правомерно характеризовали как бюрократическое, то есть общество начальников. В разделении общества на начальников и подчиненных кроется неустранимый источ-

ник социального неравенства при коммунизме. В советском обществе социальный аспект преобладал над деловым. Поэтому профессия руководителя требовала в первую очередь умения удерживаться, угождать, пробиваться, лавировать, подставлять своих конкурентов, продвигать своих людей и т. п., и лишь в другую очередь — навыков организации и управления людьми. Кстати, постсоветское общество в существенных чертах не изменилось. На Западе, где деловой аспект преобладает над социальным, социальные законы отбора руководителей также действуют. Просто в некоторых сферах (в экономике, в технологических отраслях) они компенсируются необходимостью показывать объективный результат. Но мы хорошо понимаем, о чем сказал Бенджамин Дизраэли, когда после своего вступления в должность премьер-министра Великобритании он сказал: "Я вскарабкался на верхушку намыленного столба".

Поскольку профессия руководителя мало связана с делом, то на роль руководителей заявляют претензии лица, не нашедшие себя в профессии. К тому же позиция руководителя дает наибольшие выгоды по сравнению с другими позициями. Далеко не мученики рвутся быть "слугами народа". Это очевидная истина. Проблема состоит не в том, чтобы ее констатировать, а в том, чтобы сформулировать социальные правила, по которым к власти из общества выталкиваются люди, обладающие определенными социальными характеристиками.

Главный закон, по которому осуществляется отбор руководителей, гласит: "выживает среднейший" [1, с. 218]. Иногда бывают случаи, когда высокий пост занимает человек, слишком умный и слишком порядочный для этого поста. Но это — исключение, не вытекающее из сути социальных законов.

"Основной принцип социальных действий руководителя — представить свои личные интересы как интересы руководимой группы и использовать руководимую группу в своих личных интересах" [1, с. 124]. Скажем, в России президент недавно широковещательно заявил, что борьба с бедностью выдвигается на первый план в деятельности правительства и дал поручения соответствующим руководителям. Можно заранее сказать, что поручения не будут выполнены. Какие у меня основания так утверждать? На основании вышеприведенного принципа. Власть имущих проблема бедности *лично* не задевает, и, значит, она будет решаться в последнюю очередь.

Итак, Зиновьев настаивает на том, что в характере действия политических законов никаких особенностей, по сравнению с более общими социальными законами, нет. Просто они охватывают привилегированную, высококонкурентную среду и, значит, их социальная природа проявляется резче, грубее, а люди ведут себя подлее, ибо ставки высоки. Речь не идет о том, что в политику вовлекаются люди, предрасположенные к подлости, вероломству, пронырливости, цинизму и прочее. Нет, первоначально ими движут карьерные побуждения, что само по себе непредосудительно. Попадая в формальный механизм власти, обязательный для всех кандидатов, они проходят жестокую школу

выживания и нарабатывают соответствующие номенклатуре качества. Они обрастают "полезными связями", становятся чьими-то людьми "наверху", заводят своих людей "внизу". Они тащат этих людей за собой, а те, образуя их "команды", в свою очередь, стремятся протолкнуть своих патронов как можно выше наверх. Поэтому, например, генеральный секретарь ЦК КПСС по определению гениальный аппаратчик. Непонятно до сих пор, как М. С. Горбачев с его опытом игр "под ковром" позволил переиграть себя и внутри страны, и за ее рубежами. Видно, это роль демократа его переиграла.

Таким образом, политика — это особое социальное поле, на котором позиционируются индивиды, имеющие высокие статусные роли в обществе. Социологическое понятие "позиционное поле" легко ассоциируется в нашем сознании с футбольным полем. Эта ассоциация тем более уместна, что в Украине со времен Щербицкого футбол тесно примыкает к политике. А ведь действительно, между политикой и футболом немало общего. Как и футбол, политика — командная игра. Какой бы ни был гениальный игрок, он один не сделает игры, если на него не будет работать вся команда. И хоть есть герой матча, лидер команды, победа в нем — это всегда результат командных усилий. Так же и в политике. Вне своей группы политик — ничто. Думаю, пословицу "один в поле не воин" придумал не воин, а политик или аппаратчик. Поэтому социальное поведение политика определяется прежде всего его позицией и ролью в группе. *Политикет* как сумма правил (законов) поведения политика прежде всего нацелен на обеспечение единства и сплоченности его собственной группы (политической команды), а уж потом на отношения с конкурентами. В "Зияющих высотах" Зиновьев формулирует некоторые правила (законы) политикета. Ниже я их привожу со своими комментариями и дополнениями.

Правило № 1. "Людей на подвластных постах надо менять. <...> Ибо лишь смена людей дает сознание своих людей"* [1, с. 70].

У человека, который длительное время занимает свой пост, притупляется чувство благодарности своему боссу. К тому же он волей-неволей собирает на него негативный материал, компромат. Новый человек может быть не лучше, а скорее всего хуже своего предшественника, ведь нужно время, чтобы освоиться. Но зато этот человек горит рвением доказать, что босс сделал правильный выбор.

Правило № 2. "Есть два способа возвыситься: стать самому больше или сделать других меньше. Первый путь в массе исключен, труден и опасен для карьериста. Остается второй" [1, с. 70].

Тут, как говорится, no comment. На мой взгляд, еще более фундаментальным, требующим неукоснительного следования является *правило № 3*, согласно которому "*предать — это не предать, а вовремя предвидеть*". У каждого серьезного политика или государственного чиновника высокого ранга имеется богатый опыт такого рода "пред-

* Нумерация правил дана произвольно.

видений". Про наших политиков можно сказать: кто "сдал" на "отлично", тот перешел в класс победителей.

Бывшие советские люди, ныне ставшие "простыми избирателями", никак не могут взять в толк, как, скажем, коммунисты могут брать деньги на избирательную кампанию у олигархов или заключать союзы с националистами, или голосовать в Верховной Раде за "антинародный" бюджет и т. д. Такие действия они рассматривают как факты предательства или, в мягком варианте, политического лицемерия. Некоторые политологи в этом усматривают низкий уровень политической культуры демократии. На самом деле, политическое лицемерие, или двуличие, — это в политике не порок и не добродетель, а весьма распространенный прием. У некоторых лиц поболее двух. "Свобода — это право не лгать", — сказал А. Камю. Политики, прибегающие к *необходимости* лгать, лишены этого права. И все. И вообще, зачем желать невозможного от наших политиков и их окружения? Они — не герои и не диссиденты, а участники политической игры, подчиняющиеся ее логике и правилам, обусловленным, в свою очередь, макиавеллиевским законом силы. Они ведут себя как обычные социальные индивиды из механизма власти, и все их ролевое поведение целерационально, а значит в высокой степени прогнозируемо.

Наблюдая за современным политическим процессом в России и Украине, я прихожу к выводу, что макиавеллизм в его многообразных обличьях и есть характеристика нашего времени. Опять же говорю об этом не в укор политикам Украины, а в порядке констатации. Не они придумали эти правила, последние сложились естественно-исторически в процессе функционирования социальности в системе политических отношений. Вообще на людей власти не нужно сердиться. От них не надо ждать помощи и благородства. Но зато, когда от них ничего не ждешь, вдруг *это* случается. Это тот случай, поясняет Зиновьев, который закономерен с точки зрения действия социальных законов. Если человеку, облеченному властными полномочиями, ничего не угрожает, он может себе позволить быть... человеком, ибо каждому приятно думать о сделанном им добре.

Правило № 4. "...По технике взятия власти последняя должна быть взята с боем за добро против зла. Если бой не получается сам собой, его провоцируют или просто выдумывают. ...И это еще не все... еще нужно спасти общество от серьезной опасности, и не от общеизвестной и прошедшей, ...а от чего-то такого, нового, что может увести не туда. ... Дело должно выглядеть так, будто только они способны обнаружить эту опасность и предотвратить ее, т. е. доказать свою необходимость и незаменимость" [1, с. 72].

Далеко за примерами ходить не надо. Б. Н. Ельцин "отстоял" демократию и "предотвратил" коммунистический реванш. О "подвигах" Л. М. Кравчука рассказал он сам. С его слов, он *мужественно* выдержал давление на него со стороны ГКЧП и мудро дистанцировал Украину от событий августа 1991 г. в России. Его *неуступчивость* сыграла главную роль в денонсации союзного договора в Беловежской

пуще. Л. Д. Кучма пришел к власти для решения задачи предотвращения краха в экономике. В. В. Путину было одновременно и легко, и трудно. Власть он получил из рук Ельцина, поэтому "бой за добро против зла" отменялся. Но, с другой стороны, он имел слишком выгодный фон: Ельцин на глазах у всех распадался на части. Путин проявил твердость в "чеченском вопросе", урезонил некоторых сепаратистов из автономных республик, выдавил из страны олигархов-телемагнатов, пытавшихся шантажировать власть путем раскачки общественного мнения. И все же это даже по совокупности не тянуло на стратегическую значимость. И тут Америка как нельзя кстати "подбросила" новую тему спасения мира от угрозы заговора международного терроризма. Внутренняя ситуация в России и внешние задачи неожиданно сошлись воедино. Россия вновь "задружила" со Штатами, а Путин и Буш-младший, одинаково нуждавшиеся в признании, обрели себя как национальные и мировые лидеры.

Правило № 5. Надо "вести игру так, чтобы твой противник наносил тебе удары там, где тебя уже нет, т. е. по твоему прошлому" [1, с. 285].

Это правило реализуется посредством целого ряда мероприятий. Оно требует держать инициативу в своих руках, отводя конкурентам возможность лишь реагировать на твои вызовы. Обязывает корректировать свою политику, меняться, эволюционировать, в обезоруживающей форме признавать свои ошибки, быть готовым к неожиданным решениям и т. п.

Правило № 6. "Побеждает лишь тот, кто ухитряется создать для себя беспроигрышную партию" [1, с. 285].

Теперь посмотрим, как в свете этого правила выглядели демократические стенания в России и за границей по поводу "нечестных" и "несправедливых" последних президентских выборов. Путина склоняли к тому, чтобы он сам что-то предпринял с целью уравнять шансы его оппонентов. Я представляю, что бы на это сказал сам Никколо Макиавелли. Что-то вроде: имя человека, добровольно идущего на ослабление своих позиций во власти, — глупец. Или Горбачев, добавим мы.

3. Искуственная природа морали и ее функциональное назначение

Как мы видели, социальный индивид — существо несимпатичное, принципиально неморальное, но вменять ему его ненравственность нельзя, поскольку он — продукт естественной среды, социальное животное. Если бы человечество в ходе своей эволюции не выработало искусственных средств, ограничивающих социальность (коммунальность), то его прогресс был бы просто невозможен. В этой связи А. Зиновьев пишет: "...Прогресс общества в значительной мере происходил как процесс изобретения средств, ограничивающих и регулирующих действие социальных законов. Мораль, право, искусство, рели-

гия, пресса, гласность, публичность, общественное мнение и т. п. изобретались людьми в значительной мере (но не полностью, конечно) как средства такого рода. И хотя они, становясь массовыми организациями людей, сами подпадали под действие социальных законов, они так или иначе выполняли и выполняют (там, где они есть) антисоциальную роль. "Социальный" прогресс общества был прежде всего прогрессом антисоциальности" [1, с. 44].

Отметим, что Зиновьев отрицает за моралью онтологическое, кантовское значение. Он считает, что мораль *изобретается* искусственно и привносится в жизнь людей как новая ценностная шкала со специальной целью оторвать людей от их социально-материальной основы, естественной системы ценностей, приподнять их духовность хотя бы на миллиметр над их первой природой — "животностью". Это очень даже согласуется с историческими фактами. Великие религии и идеологии основывали конкретные люди. Будда, Христос, Зороастр, Мухаммед, Маркс, Ганди, Швейцер, великие древнегреческие философы-идеалисты, израильские пророки, индийские махатмы, сонм православных святых, лучшие представители искусства существенно влияли на процесс облагораживания человеческой натуры. И здесь они находили поддержку у государства и церкви, которые прибегали к чрезвычайно жестоким мерам, чтобы хоть на йоту повысить нравственный уровень народа.

Возникает вопрос: как соотносятся социальность и мораль? Как стихия и то, что ее ограничивает. Сама по себе социальность *не*моральна, а мораль *анти*социальна. "Антисоциальность — то, что ограничивает социальные законы, препятствует им и стремится вообще к ликвидации их власти. ...Крайним проявлением социальности является полный аморализм, крайним проявлением антисоциальности — нравственное сознание..." [1, с. 65–66]. Всякий человек, который "плывет против течения" в социальной группе, самоопределяется, берет на себя ответственность и вину за собственные поступки, — антисоциален, то есть в определенном смысле он — *преступник*. Самый очевидный пример: интеллигентское сознание обладает качеством антисоциальности, поэтому оно породило революционерство в царской России и диссидентство в Советском Союзе.

В книге "Коммунизм как реальность" (1980) А. Зиновьев различал мораль идеологическую (или псевдомораль) и мораль личностную (или мораль в собственном смысле слова) [2, с. 261]. Между этими видами моралей возникает коллизия. Государство естественно поддерживает первую, поскольку она направлена на оправдание действий политического руководства страны, освобождает людей от мук совести по поводу содеянного ими, например, на войне, когда государство провозглашает лозунг "Убей!". Фактически здесь речь идет о *политической морали*, роль которой отчасти выполняет идеология. Советское государство воспитывало павликов морозовых. В этом смысле надо понимать известный афоризм "Патриотизм — последнее прибежище негодяев". Кстати, этот афоризм является частным выражением со-

циального закона, который гласит: "Лучшими побуждениями прикрываются, как правило, негодяи" [1, с. 45].

Не следует, однако, думать, что в идеологии нет элементов настоящей морали, предупреждал Зиновьев в 1980 г. В одной из последних книг "Гибель русского коммунизма" (2001), уже после "перемены всей точки зрения" на коммунизм, зиновьевская тональность в оценке роли идеологического фактора, то есть роли политической морали, меняется явно в лучшую сторону. Так, в названной книге он пишет: "Идеология стремилась привить людям самые лучшие качества. И это не было лицемерием. Если бы идеология к этому не стремилась бы и не выполняла бы это на самом деле, жизнь в обществе превратилась бы в сплошной кошмар и стала бы практически невозможной для масс. Одним из самых страшных следствий разрушения коммунистической системы идеологического воспитания в постсоветский период явилось стремительное моральное разложение общества" [6, с. 48].

Мы привыкли думать, что справедливость — это одна из основных этических категорий. По Зиновьеву, это не так. Общественная справедливость не имеет никакого отношения к морали. В оценке чьих-либо заслуг общество считается только с собственной шкалой оценок. Для него справедливо (нравственно) все то, что служит одобрению и укреплению сложившегося общественного порядка. С воспитательной целью общество создает себе кумиров, чтобы потом из их авторитетных уст звучало то, что оно хочет, чтобы усвоили граждане. Причем, оценивая вклад того или иного индивида, общество никогда не ошибается. Его инстинкт безошибочен, ибо оно оценивает не сам по себе вклад в культуру, науку, технику, экономику, спорт и т. д., а вклад в укрепление социального порядка. Это, согласитесь, не одно и то же. Отдельные люди, даже занимающие самое высокое ранговое положение в обществе и государстве, могут в частном порядке признавать за художником гениальность. Но если он не имеет официального общественного признания, не "назначен" обществом-государством гением, то так и будет ходить в "подающих надежды". Кстати, "назначенные гении" могут быть вовсе не гениями в художественном отношении и даже совсем наоборот. Они гении в том существенно важном для общества смысле, что своими произведениями они точно вписались в его идеолого-мифологическую канву, лучше других выразили его ценностные ориентации, создали новые возможности для усиления воздействия общества на умы своих и не своих граждан.

В советской истории были люди, которых следовало бы назвать дважды гениями; они были гениями в избранной области и гениально служили социально-политическому строю. Например: писатель М. Шолохов, поэт В. Маяковский, кинорежиссеры С. Эйзенштейн и А. Александров, киноактриса Л. Орлова, театральный режиссер и актер О. Ефремов, конструктор космической техники С. Королев, поэт А. Твардовский, композиторы М. Дунаевский и Л. Пахмутова, певица Л. Зыкина. Были и "гении вопреки". Такие тоже нужны обществу, но в единичном числе, как представительский тип. К ним следует отнести компо-

зиторов Д. Шостаковича и А. Шнитке, поэта Б. Пастернака, актера и барда В. Высоцкого, актера О. Даля, кинорежиссеров А. Тарковского и А. Сокурова. Были гении, которые при жизни не получили заслуженного признания именно потому, что общество безошибочно опознало в них "чужих". Это — писатели М. Булгаков, К. Паустовский, А. Грин, поэт М. Волошин, философы Э. Ильенков и М. Мамардашвили. Самую массовую категорию среди выдающихся деятелей составляют люди, которые заняли комформистскую, приемлемую для общества позицию: они время от времени выполняют социальный заказ, чтобы получить право на собственное творчество.

Итак, в концепции социологического макиавеллизма А. Зиновьева мораль функционально определена социальностью и рационально объяснена как средство ее ограничения. Напротив, кантовский дискурс морали изнутри этого мира необъясним. Человек никому не обязан, когда он принимает решение не быть негодяем. И в ничьей оценке со стороны не нуждается. Это и есть кантовский дискурс свободы: она не здешняя, безосновная в этом мире. Разве люди, занимающие лучшие социальные позиции, люди власти, способны рассуждать по-кантовски? М. К. Мамардашвили пишет, что Кант "не может принять, что, для того, чтобы быть человечным, должны быть человечны обстоятельства. Для Канта этот взгляд неприемлем" [7, с. 89]. А для них этот взгляд является единственно правильным. Мир таков, каков он есть. Нам его не переделать. Нам в нем нужно жить и приспосабливаться. ...Мы — солдаты, мы только выполняли приказы... И т. д. и т. п.

Поскольку мораль релятивна и априори неопределена, ее можно и нужно проверить логикой. Блестящий специалист в этой области А. Зиновьев пишет: "Кантовский "категорический императив" как критерий морали является просто бессмыслицей или ложным, если его проанализировать на строгом логическом уровне. Например, человек, который не хочет, чтобы другие люди поступали по отношению к нему по правилам морали, является моральным, поступая в отношении других не по правилам морали" [5]. Он так же вычленяет класс поступков, в отношении которых их оценка как моральных или аморальных лишена смысла. Таковы, например, поступки дипломатов, политиков, военных и т. п. при исполнении ими своих профессиональных обязанностей.

Все это так, но... Но сам Зиновьев, вопреки своему авторскому кредо, как личность исповедует кантианскую, то есть абсолютную мораль. Он умудрился быть диссидентом во все периоды своей сознательной жизни. На его рыцарском щите красуется девиз "Всегда против!" Если внимательно проанализировать содержание романа "Зияющие высоты", то можно убедиться, что в нем Зиновьев ведет спор с самим собой на эту тему, благо можно было раздвоиться и разтроиться на своих персонажей. Шизофреник, Болтун и Клеветник, за которыми скрывается сам автор, высоконравственные люди, то есть в своей жизни они реализуют (не без компромиссов) именно кантианский дискурс. Они понимают и научно, по-макиавеллистски объясняют законы общества, но почему-то собственной наукой не могут позво-

лить себе воспользоваться. Они страдают от социальности и предпочитают надеяться. Шизофреник так и говорит: "Хотя состояние нравственности самое неустойчивое для социального индивида, а нравственная жизнь — мученический подвиг, вероятность появления таких людей все же выше нуля. А влияние таких людей на ход истории мы явно недооцениваем" [1, с. 138].

Я обращаю внимание, что мир дико разросшейся социальности, макиавеллистский мир, могут понять и оценить только представители противоположного дискурса, ибо они отстранены от него. Кстати, зиновьевские "кантианцы" спокойно общаются с "макиавеллистами", прекрасно зная, что те донесут на них, подставят их и даже украдут их мысли. Христова позиция. "Один из вас предаст Меня", — сказал Христос и *сочувственно* посмотрел на Иуду. Они сочувствуют даже начальству, потому что *знают*, что в советском обществе от него в принципе ничего не зависит, кроме распределения материальных благ.

Впрочем, макиавеллисты тоже способны оценить по достоинству людей противоположного дискурса. Они угадывают в них угрозу для себя. И даже не в плане конкуренции за место под солнцем. Здесь они дадут им сто очков вперед. Нет, просто им становится неуютно от того, что есть люди, которые живут не по их правилам. Почему-то это самые талантливые люди, творцы. Они самодостаточны, непритязательны и критично настроены к тому миру и его условным ценностям, в котором чувствуют себя фаворитами и победителями макиавеллисты. Последние нет-нет да и позавидуют внутренней свободе этих людей. Впрочем, они отдают себе полный отчет в том, что сами они на такую свободу не способны. И стараются "на всякий случай" нейтрализовать этих пришельцев из кантовского мира: написать донос, задвинуть подальше, создать невыносимые условия для работы и жизни.

Таким образом, вслед за А. Зиновьевым мы можем констатировать наличие сразу нескольких шкал ценностей, нескольких моралей, регулирующих поведение людей на уровне личности (духовность), на уровне общества (интеллигентское сознание), на уровне государства (идеология). Они не скоординированы, между ними возникают коллизии и конфликты, которые и создают нравственное напряжение, отличающее человека от всех других животных.

4. Политика и мораль: проблема оценки Сталина и сталинизма

Как известно, горбачевско-яковлевская"гласность" началась с постановки вопроса о непомерной цене советских преобразований. Немедленно на первый план вышла проблема оценки Сталина и сталинизма. Интеллигентское сознание, получив отмашку, с увлечение принялось разоблачать и негодовать, доведя дело, начатое Хрущевым, до логического конца — до развала советской государственности. Сегодня уже ясно, насколько маловразумительна попытка что-то выяснить и понять в том времени, да и в нашем тоже, если применять только моральный критерий для оценок исторических обстоятельств и реше-

ний. А тогда Солженицын был "на коне", а Зиновьев, как всегда, замалчивался. Между тем зиновьевский социологический макиавеллизм и в этом случае оказывается полезным методологическим инструментом, позволяющим преодолевать понятный субъективизм и вредное морализирование.

Ключ к пониманию позиции А. А. Зиновьева по вопросу об отношениях политики и морали дают его собственные высказывания. В интервью "Московским новостям" он заявил: "Если подходить к истории с критериями морали и права, то всю ее придется рассматривать как преступление" [8]. Спустя два года, давая интервью уже "Независимой газете", он говорил: "Цель оправдывает средства — это моральный принцип. А я говорю о реальности, а реальность живет совсем по другим законам. Моральными принципами руководствуются отдельные люди, и в особенности такие, которые сочиняют всякие книги про репрессии" [9]. Эти высказывания не оставляют сомнений в макиавеллизме их автора.

Следует заметить, что со времени выхода в свет его первого социологического романа "Зияющие высоты" (1976), его собственные оценки исторических периодов и личностей кардинально изменились. Речь идет прежде всего об отношении к сталинизму и Сталину. В романе он однозначно отрицательно относится к Сталину: ни интеллекта, ни политического таланта, ни каких-нибудь других выдающихся личностных качеств за Сталиным он не признавал. Но уже сталинизм он оценивал иначе: это политический режим, который был создан не столько Сталиным "сверху", сколько обусловлен "снизу" стихийным действием социальных законов, законов больших скоплений людей. Социальный (не политический!) строй, который Зиновьев назвал "реальным коммунизмом", возник в результате непреднамеренных действий миллионов людей, которые совершали свои поступки в личных целях. Сталин просто отдался этой стихии, используя ее для укрепления своей личной власти. И массовый характер сталинских репрессий объясняется не столько борьбой сталинистов со своими политическими противниками, сколько непредвиденными последствиями действия этих самых социальных законов.

Время шло, и позиция А. Зиновьева претерпевала изменения. В "Русском эксперименте" (1995) он пишет: "Рассматривать сталинскую эпоху как эпоху преступную есть грубое смешение понятий. Понятие преступности есть понятие юридическое или моральное, но не историческое и не социологическое. Оно по самому своему смыслу неприменимо к историческим эпохам, к обществам, к целым народам. Сталинская эпоха была трагической и страшной эпохой. В ней совершались бесчисленные преступления. Но сама она как целое не была преступлением" [3, с. 53].

В этой позиции содержится новый нюанс: сталинскую эпоху нельзя осуждать не потому, что мы не знаем всей правды о ней, а потому что все эпохи в принципе неподсудны. Зиновьев предлагает заменить определение "преступная" на "трагическая". И далее он ут-

верждал, что "в тех исторических условиях сталинизм был *закономерным* продуктом великой революции и *единственным* способом для нового общества выжить и отстоять право на существование" [3, с. 54. — Курсив мой. — *Г. Г.*].

В контексте этой позиции Зиновьев оценивает сталинщину — созданную в 30-е гг. систему массовых репрессий — как "самозащитную меру нового общества от рожденной совокупностью обстоятельств эпидемии преступности". "Я этим самым не хочу сказать, что репрессии были положительным или отрицательным явлением, — я вообще не даю субъективных оценок. Я хочу лишь сказать, что к ним ошибочно подходить с критериями морали и права", — заключает он [3, с. 63].

На его взгляд, в свете того, что произошло в России после 1985 г., меняется оценка личности Сталина, а также по-другому высвечивается проблема сталинских репрессий. В последних своих интервью Зиновьев поставил Сталина в ряд величайших деятелей всех времен и народов, выше Ленина, выше Наполеона. Так закруглились его "отношения" с вождем — от мысли о покушении в ранней молодости до признания исторического величия этой личности в предельно зрелом возрасте.

Отношение к Сталину и сталинским репрессиям продолжает оставаться актуальным в текущем политико-идеологическом противостоянии. Общественное мнение желает знать "историческую правду", обращаясь к "объективным" историческим исследованиям сталинской эпохи. И натыкается на препятствие в виде имеющих научное и политическое значение вопросов: можем ли мы быть объективными в своих оценках исторических событий? Какая мера правды истории доступна нам?

В самом деле, в далеком 1953 г. умер Хозяин. И с тех пор уже в течение более полувека идут нескончаемые споры о его действительной роли в истории. Был ли он великим или нет? Был ли он величайшим злодеем или нет? Был ли он продолжателем дела Ленина или его отрицателем? Уже само по себе это обстоятельство положительно разрешает вопрос о его величии. Ответы на другие вопросы не столь очевидны. У коромысла истории два конца. Чтобы событие было признано историческим, оно должно волновать современников, что, между прочим, не позволяет им быть объективными. Вот и получается, что Хозяин из нашей жизни не ушел. Метафизически, виртуально его образ возникает всякий раз при упоминании его имени. Ведь и дня не проходит, чтобы кто-то в "новых демократических странах" вроде России и Украины не погрозил в сердцах: "Жаль, нет на вас Сталина!" А грозить есть кому. Видно, в современности или, быть может, в "вечной современности" — в нашей ментальности есть что-то такое неизбывное, что-то вроде гоголевской тайны, что делает "товарища Сталина" сопричастным нашим скорбным делам. Сталин для нас не проблема истории, а историческая проблема современности. И демократия наша какая-то издевательская, словно кто-то готовит

нас к Великому Возвращению, доводя бардак до точки, за которой начинается хаос и откровенное разложение.

Правда истории в том, что она такая, а не другая. Всякие попытки строить альтернативные модели реального исторического процесса неоправданы. В отношении того, что уже сцепилось, случилось, свершилось, лучшая исследовательская позиция — это исторический фатализм. Есть результат, теперь нужно объяснить, как этот результат получился. Совсем другая позиция должна определять наше отношение к текущей современности. Она обусловлена включенностью в процесс, который еще не завершен. В этом случае занятая активная позиция сама становится динамическим фактором, оказывающим влияние на результат. Поэтому здесь фатализм недопустим.

5. Макиавелли коммунистической системы

А. Зиновьев провел анатомическое вскрытие коммунистического общества и показал, как работает его система управления. Он выдал *тайну системы*. Эта система неполитическая, беспартийная, неправовая. Это — строй начальников. Коммунистическое (советское) государство принципиально отличается от западного. Здесь не власть существует для общества, а общество допускается лишь в той мере, в какой оно нужно и достаточно для воспроизводства, функционирования и идеалов власти. При этой системе не интересы экономики или социальные задачи находятся в центре внимания государства, его абсолютным приоритетом являются интересы управляемости общественным организмом. В условиях этой системы требование ликвидации монополии КПСС на власть было равносильно пожеланию, чтобы у человека вместо одной головы было несколько, и каждая претендовала бы на лидерство.

Как только Зиновьев понял, куда идет страна, а понял он это раньше других, уже в 1986 г., он развернулся на 180 градусов. В десятках интервью он объявил Горбачева и Ельцина предателями, а также выразил сожаление, что с самого начала, вместо сильных сторон коммунизма и слабых сторон западнизма, стал изучать слабые стороны коммунизма. Фактически он указал врагам этой системы ее ахиллесову пяту — "начальник партии". Он это признал как свою вину.

И еще одно неслучайное сходство Зиновьева с Макиавелли. Для многих исследователей является неразрешимой загадкой последняя, знаменитая XXVI глава "Государя" под названием "Призыв овладеть Италией и освободить ее из рук варваров". Настолько она не вписывается своей горячностью в общую тональность всего предыдущего "холодного" текста, что некоторые полагали, что она написана позднее и добавлена со специальной целью снизить крайне негативное впечатление от откровенного цинизма рекомендаций флорентийского секретаря. В этой главе Макиавелли предстает пламенным патриотом несуществующей тогда единой Италии. Он отпускает на волю свой итальянский темперамент, раскрывает свое изболевшееся сердце,

показывает слезы. Он формулирует благородную цель всех "величайших мужей" от политики: бороться за освобождение своего народа от внешних и внутренних варваров, стать избавителем отечества от врагов, которые могут быть и среди граждан этого отечества.

Я считаю эту главу абсолютно логичной, полностью согласующейся с макиавеллиевским характером и обстоятельствами, в которых оказалась его несчастная, раздробленная, попираемая ногами наемников Италия. Так вот, А. А. Зиновьев за пределами своей социальной науки также выступил горячим патриотом своего народа. "Над нашей страной нависла смертельная опасность, опасность гораздо более серьезная, чем в 1941 г. И оставаться в положении постороннего было бы недостойно моих моральных принципов", — так он, еще будучи в эммиграции в Мюнхене, выразил свое гражданское кредо в статье "Куда мы идем" (1990) [4, с. 6]. Все, что происходит в так называемой демократической России, он воспринимает как катастрофу, гибель великой цивилизации и тяжело переживает трагедию и позор русского народа. "Мы уходим с исторической арены в Небытие не в яростном сражении за жизнь и достоинство великого народа, как это положено в античной трагедии, а целуя ноги топчащего нас и руки поощряющего нас в нашем холуйстве и бросающего нам жалкие подачки бездушного врага" [5, с. 252].

Одинокий, как и Макиавелли, он переживает тот же спектр чувств от полного отчаяния до надежды, ту же боль от бессилия и ненужности, которые жили в душе Макиавелли все последние годы его жизни. Лучик надежды мелькнул у него в связи с приходом в Кремль В. В. Путина. Он начал писать статьи и книги, почти прямо адресуясь к Государю, наставляя его, как надо поступить, чтобы вырвать Россию из рук ее недругов. Потом его энтузиазм, кажется, поостыл. Надежды остается мало. Разве что на сформулированный самим Зиновьевым закон социальной регенерации: "Если социальная система рушится, остается человеческий материал и устанавливается новая, то она сама становится максимально близкой к предшествующей" [10].

Здесь, мне кажется, Зиновьеву изменила научная беспристрастность, на которой он так настаивает. Он допускает явный логический сбой, когда утверждает, что коммунистическая система была уничтожена эпохальным предательством политического руководства страны. Ведь он сам ввел понятие "социальное предательство", которое не может быть интерпретировано в моральном и юридическом смысле [6, с. 236–252]. Он показал, что советские руководители прошли несколько школ предательства — сталинскую школу доносов, хрущевскую школу отступничества и, наконец, горбачевско-ельцинскую школу прямого политического предательства. Будучи верным своей методологии, он должен был бы сделать вывод, что, подобно естественному организму, выделяющему ферменты старения, ведущие его к смерти, советская система выработала своих могильщиков. Горбачев, Ельцин, Кравчук, являясь социальными предателями, выводятся из-под моральной ответственности как естественные продукты советской системы.

В этом смысле высшие советские руководители последней генерации — отборнейший продукт системы. Взять хотя бы г-на Э. Шеварднадзе. Какой красавец!

И все же я склонен думать, что Горбачев и иже с ним просто не предвидели последствий своих реформ, а когда те наступили и вышли из-под их контроля, то они стали действовать исходя из обстоятельств и повинуясь социальному закону самосохранения. Смерть системы стала для них условием выживания уже не только политического, но и физического. Предательство в этих условиях совершилось само собой, без умысла, но с мыслью о спасении.

* * *

В заключение коротко резюмируем вышесказанное.

Оригинальная теория общества А. А. Зиновьева является социологической разновидностью макиавеллистского дискурса. В ее концептуальной основе явно просматриваются макиавеллиевские, гоббсовские, марксовские, ницшевские черты, образующие один и тот же тип политического мышления. Суть зиновьевского взгляда на общество заложена в понятиях "социальность" и "социальный индивид". Политика есть высококонкурентная сфера проявления социальных законов и правил, где идет борьба за наибольшую в обществе ценность — власть.

Знаковой проблемой макиавеллизма является проблема соотношения политики и морали. Зиновьев ее решает следующим образом. Мораль в его концепции общества служит изобретенным в ходе эволюции средством ограничения чрезмерного разрастания социальности в целях нормального функционирования социального организма. По природе она релятивна. Зиновьев пришел к выводу, который для многих звучит по-макиавеллиевски кощунственно: мораль антисоциальна, социальность неморальна. Государство в форме идеологии создает и культивирует политическую мораль (или псевдомораль) с целью защиты общества от антисоциальных элементов и врагов системы.

Зиновьевский анализ сталинизма избавлен от всяких моральных и политических оценок. Он рассматривается им как исторический продукт действия социальных законов. Поэтому оценивать его как преступный, антинародный режим бессмысленно.

Литература

1. *Зиновьев А. А.* Зияющие высоты. — Кн. 1. — М.: ПИК, 1990.
2. *Зиновьев А. А.* Коммунизм как реальность. — М.: Центрполиграф, 1994.
3. *Зиновьев А. А.* Русский эксперимент. — М.: Наш дом. — L'age d'Homme, 1995.
4. *Зиновьев А. А.* Пост-коммунистическая Россия. — М.: Республика, 1996.
5. *Зиновьев А. А.* На пути к сверхобществу. — М., 2000 // http://ad.tbn.ru/bb.cgi?cmd=go&pubid=2830539&pg=1&vbn=188&num=1&w=468&h=60&nocache=6214
6. *Зиновьев А. А.* Гибель русского коммунизма. — М.: Центрполиграф, 2001.
7. *Мамардашвили М. К.* Кантианские вариации. — М.: Аграф, 2000.

8. *Московские* новости. — 13 авг. — 1989.
9. *Независимая* газета. — 30 ноября. — 2001.
10. *Завтра*. — 22 июня. — 1999.

Г. П. Гребеннік
Одеський національний університет ім. І. І. Мечникова
Інститут соціальних наук, кафедра історії та світової політики
вул. Дворянська, 2, 65026, м. Одеса, Україна

ВЛАДА ТА СУСПІЛЬСТВО В КОНТЕКСТІ МАКІАВЕЛЛІСТСЬКОГО ДИСКУРСУ

Резюме

Аналіз концепції суспільства А. А. Зінов'єва дозволяє побачити в ній макіавеллівські, гобсівські, марксівські, ніцшевські риси, що утворюють єдиний тип політичного мислення. За Зінов'євим, політика є висококонкурентною сферою прояву соціальних законів і правил. Мораль служить винайденим у ході еволюції засобом обмеження надмірного розростання соціальності. Зінов'єв відстоює тезу, що для багатьох звучить по-макіавеллівські блюзнірське: мораль антисоціальна, соціальність неморальна.

Ключові слова: макіавеллістський тип мислення, соціальний індивід, мораль, політика, влада.

G. P. Grebennik
Odessa National University, Institute of Social Sciences,
Department of History and World Politics
Dvoryanskaya str., 2, Odessa, 65026, Ukraine

POWER AND SOCIETY MACHIAVELLIAN DISCOURSE CONTEXT

Summary

Analysis of A. A. Zinovyev's conception of society allows distinguishing Machiavellian, Hobbes's, Marxian, Nietzschian features in it that form one and the same type of political thinking. According to Zinovyev, politics is a highly competitive realm of manifestation of social laws and rules. The moral serves as a means invented in the course of evolution for limiting an excessive proliferation of sociality. Zinovyev upholds a thesis that sounds abhorrent just in a Machiavellian way: the moral is antisocial; the sociality is amoral.

Keywords: Machiavellian type of thinking, social individual, moral, politics, power.